

Не умиралось... Баба Лёля точно знала, что боженька придёт за ней сегодня ночью, хотя ничего у неё не болело, не тревожило. Наоборот, будто враз отпустили все хвори и сделалось легко и спокойно.

Смерти баба Лёля совсем не боялась, принимая её неизбежность. Да и то: товарки-то уж вон все на погосте, хоть и моложе её были. Давно прибрал боженька, а ей, слава тебе господи, на Троицу уже восемьдесят четыре годочка исполнилось, пора уж. Если честно, то умирать не хотелось. Ничего её на этом свете не тяготило. Вон даже поясница отпустила, хотя нестерпимо ныла последние две недели, пока копала картошку на своих пятнадцати сотках, пока отбирала клубни на семена и засыпала их в подпол, затаривала мешки на продажу какой-то заготконторе. Вчера с этой работой справилась, положила на дно нижнего ящика комода вырученные от продажи новенькие купюры. Может, Коленька хоть какую обнову себе справит. А ведь, паразит, так и не приехал на картошку. Писал, летось, мол, мама, ты не надрывайся, приеду, выкопаю. Да, поди, снова запил. И эти-то деньги просадить может... Ну, да ладно... на помин души своей мамочки.

Так-то он у неё ласковый да заботливый, вот только водка проклятая мужика сгубила. Ну, это

всё из-за Ирки. Из-за неё, змеи подколодной, за воротник закладывать начал. Не по себе дерево срубил, так что теперь делать? Вот и мается всю жизнь. Может, если бы детки были, так и другому всё сложилось? Ан нет, ей на пелёнки жалко было молодость губить, на работе продвинуться хотела, два аборта подряд сделала, а потом боженька больше и не дал забеременеть.

56

Мысли перебила кукушка в часах. То ли одиннадцать, то ли двенадцать раз уже прокуковала – баба Лёля со счёта сбилась на середине. Посмотрела в красный угол, где пристроенная на сколоченной Коленькой полочке стояла невидимая в темноте небольшая закопчённая от времени иконка Николы Угодника.

– Ой, грехи наши тяжкие! – прошептала на вдохе, устроилась поудобнее, поправила красивое лоскутное одеяло, которое сладила ещё, когда могла сама нитку в иголку вдевать. Снова сложила руки на груди и стала ждать. Но занятый другими важными делами боженька не торопился по её душу. Поди, грешила много да и в бога-то верила как-то не по-людски. Знала, что есть, держала в красном углу икону, которую схоронила на чердаке мамка, когда пошли по домам комсомольцы бороться с пережитками прошлого. Обращалась иногда к всевышнему с молитвами, как умела, да жила так, чтобы на

деревне не осудили. А в церкву ходила, только когда к Коленьке в область ездила. Рак у него признали, операцию сделали. Вот тогда она каждый денёчек в храме молилась, свечи за здравие ставила. Помогло. Доброкачественной опухоль оказалась.

Баба Лёля и дома бы в церкву ходила, да разрушили храм, когда ещё молодая была. Сначала там клуб сделали, когда в клуб ходить некому стало, под склад заняли, пока колхоз был, зерно сушили. А потом разворотили, чтобы пустить кирпич на строительство фермы, да только ничего из этой затеи не вышло. Так и лежат глыбы. Днём-то мимо ходить страшно, а уж ночью, если кто отважится, дак и вовсе мурашки по коже.

– Вот дура старая! – встрепенулась баба Лёля. – Дверь-то на крючок заперла, как утром Маня в дом попадёт?

Откинула одеяло, спустила ноги на пол и зашлёпала в носках по тканой дорожке. В сенях откинула старинный, ещё кованный крючок, вернулась в постель, приняла прежнюю позу и опять углубилась в мысли, неспешно вспоминая всю свою жизнь.

Это теперь их в деревне осталось три старушки, и её дом незаметно выполз на самый край. А раньше-то чуть не в середине стоял. Только молодёжь в города уехала, старики поумирали, избы покрепче городские скупил на дачи и перевезли на берег, поставили окнами на реку, а ветхие сами после смерти хозяев быстро просели крышами и догнивают, глядя на когда-то шумную улицу своими пустыми глазницами.

Когда Лёлька была маленькой, в каждой избе было по несколько ребятишек. И по пять, и по семь, а у Скорняковых вон даже десять. Где тут имён напридумываешь. Вот и звали Вовка Мишин, Ванька Борин, Нюрка Манина. И было их в деревне три Ольги. Старшую, Нюркину, так Ольгой и звали, вторую – Настину – Олей, а её, самую маленькую, Лёлькой. Так всю жизнь Лёлькой и прожила. Потом-то, конечно, кто-то тётей Лёлей стал звать, а потом уже и бабой Лёлей. А вот бабушкой стать ей бог не дал.

Старший, Саша, по пьяному делу в тридцать под трактор попал, не успев жениться. Теперь вот заботушка у неё – за могилкой сына ухаживать. Сходила на днях, прибрала, траву сухую выволола, пыль с памятника вытерла, покрасила-то его ещё на Троицу, так теперь далеко голубым сиянием виднеется.

Второй, Валентин, не пьёт, техникум окончил, в леспромхоз уехал, мастером работает. Дом – полная чаша, а детушек нету. А ведь

сколько просила, чтобы другую жену себе искал! Нет, говорит, полюбил Валентину, и всё тут. Как говаривала, что не к добру мужу и жене одинаковые имена иметь, не послушал. Вон в соседней Насонове Александр и Александра живут. Тому ли не пример?! Тоже с ребятишками не сладилось. И уж сколько Шура к разным врачам да бабкам ездила, без толку! А всё потому, что нельзя мужикам бабьи имена давать, а бабам – мужские. Не зря в ранешние-то времена всё больше Иваны были да Марьи! И детишек строгали до десятка.

Но не послушал Валентин. Да и бог с ним. Главню, что живут душа в душу. Уж невестушка-то за ним, как за божницей, ухаживает. Валенька у неё и сыт, и обут-одет. Он ест, а она сядет напротив да мужем любит. И волосики-то ему пригладит, и хлебушек придвинет, и не знает, как ещё угодить. Ну, и он ей добром да лаской отвечает.

Вот бы Коленьке такую! А не дал бог.

Коленька-то у неё самый был любимый. Оттого, что поздний. Уж сорок ей стукнуло, когда согрешила. Пять лет вдовой прожила и ни разу даже мельком ни на кого не посмотрела, не то чтобы мысли какие допустить. А тут бес попутал.

Она вообще-то телятницей работала, но на уборке всем дела хватает. В тот день она только отруби с телеги разгрузила, как бригадир верхом прискакал. Говорит, комбайн на дальнем поле сломался, шкив разбило, поезжай в мастерскую, надо с Колькой запасной отвезти. Мол, заодно и поставит поможешь, а то больше некого послать. Ну, надо, так надо. Сели на телегу, отвезли эту штуковину на дальнее поле, помогла Кольке её на место приладить, ремни натянули. Он её по заднице похлопал, молодец, говорит, попрошу тебя в помощники. И что её торкнуло? От этих похлопываний аж голова кругом пошла. А он уже лицом поворачивает, в глаза смотрит. Зажмурилась... А в себя пришла в накопителе на соломе, когда отстонала чуть не во весь голос от нахлынувшей страсти и когда всё уж кончено было.

Один-единственный разочек только и случилось-то, а понесла. Пошла потом к бабке Марье, да только та побоялась. «Сама знаешь, девка, какие теперь строгости, – говорит. – Не ровён час кто председателю донесет. Не носить мне, старой, головы на плечах. Не возьму грех на душу. Ты уж, милая, сама попробуй». И дала несколько советов. Да только не помогли те советы. Родился ребёночек, слава богу, живой да здоровый. И назвала в честь отца Коленькой. Как будто и в честь деда. Он тоже Николаем был.

Пересудов не боялась, хотя, конечно, разговоров было. Все гадали поначалу, от кого да от кого. Больше-то на Анемподиста думали – он,

Леший, мужик видный был и сильный. Медведя мог бы заломать, попадись тот под руку на лесной дорожке. А жёнку ему бог дал квёлую. И телом-то не удалась, и на голову маленько большая была, всё особняком от людей норвила. А он-то на баб ой как заглядывался! Ну и решились в деревне, что двое скрытных-то и сошлись полюбовно. А ведь Лёлька себя всю жизнь блюла. Не то что Марья. Та двух девок от Евгена родила, хотя у него и дома пять дочек росло. И Марьины тоже с теми на одно лицо были, так что не отвертишься.

И её Коленька весь в папочку уродился. Такой же кудрявый. И ведь, паразит, тоже на гармошке играть научился! Да так быстро, будто все у него в роду только и делали, что на тальянке меха растягивали.

У Кольки-то Вересова дома три девки было, так он было к Лёльке заходить начал сыночка проведывать. Но она сразу от ворот поворот указала: мол, не хочу Тасе супостаткой быть. А Коленьке ещё и трёх не исполнилось, как батька его случайный на тракторе под лёд провалился и всем пересудам конец положил.

А Коленька рос способным. Учителя нахвалиться не могли и в техникум они же присоветовали. Отучился в области, в армию сходил да в область и уехал. Мол, девушку ещё до армии присмотрел, жениться хочу. На завод устроился, в общежитии место дали, женился сразу же. Не понравилась Лёльке молодая: больно уж гонора много. Пока Коленька в армии был, она институт закончила и дипломом своим козыряла. И тещенька, сватьяшка дорогая, такая же гонористая. Вдвоём-то они Коленьку быстро в оборот взяли. Так нет бы парню на заочное присоветовать, они ему его место указывать стали.

А тут ещё на работе не заладилось. Так-то он старательный да исполнительный, а образование по сельхозмашинам получил, и как только появился на заводе сынок кого-то из начальников, так Коленьку и подвинули. Обиделся, на другой завод устроился, а обида осталась. С этой обидой и там проблемы начались. И начал прикладываться. Сначала после работы, а потом и с утра.

Сватьяшка, царствие ей небесное, пилит, жена строгаёт, и совсем парню никакого житья не стало. И начал он пить по-чёрному. И пошло поехало. С одной работы да на другую. С мастеров до слесаря докатился, а потом и вовсе уволиться заставили. А тут тещенька с жёнушкой и из дому выгнали. Устроился сантехником, в подвале и жить наладился.

Приедет, бывало, хорохорится, а материнское сердце не обманешь. Видела Лёлька, что худо

сыночку, а руками беду не разведёшь. Когда приедет, отойдёт возле матери душой, лицом посветлеет, а у Лёльки всё одно сердце болит. Видит, как парень мается, что жизнь такая никчёмная случилась. Уж она его и обратно в деревню звала, только что тут делать, если работы никакой.

Соберёт сыночку котомки варений-солений, картошки с собой даст да денжат из небогатой пенсии. Самой-то ей много ли надо? Осенью картошку заготовителям продаст, побольше подкинет, хоть и знает, что всё равно пропъёт.

– Хоть бы на похороны приехал... – мысленно вздохнула баба Лёля и опять встрепенулась. – А всё ли приготовила?

Встала с кровати, включила свет.

Осмотрелась в который уже раз. В доме прибралась, пока баня топилась. Бельишко своё постирала и в бане на жёрдочке над каменной сушильке повесила. Доски на гроб ещё с утра на видное место на сеновале положила, на них – рубанок, молоток, гвозди, материю красную, чтобы обить. Одежка на смерть в нижнем ящике комода приготовлена. Марье уж, поди, сто раз сказано и показано и что надеть, и где деньги на поминки.

Села на край кровати, вспоминая, всё ли сделано, не оставляет ли после себя людям каких ненужных хлопот.

58

– Ой, свечи надо переключить к одежке, в которой в гроб положат, а то искать будут. – Подошла к комоду, выдвинула верхний ящик, переложила из него в нижний поверх белья обычные хозяйственные свечи, которые по её просьбе Валентин привёз из леспромпхоза ещё несколько лет назад. – Мыло и мочалочку, чтобы обмыть, найдут в бане. Вроде бы всё...

Подошла к окну, отогнула край занавески, посмотрела на занимающееся новой зарёй небо. Вчера вот и рамы зимние поставила, может, Коленька хоть до сорока дён поживёт. Маленький-то любил он ей помогать рамы ставить, на мох между ними гроздь рябины да кроваво-красные ягоды клюквы для красоты укладывать.

– Даст бог, ещё постоит хорошая погода, хоть не под дождём людям могилу копать.

Поправила икону, перекрестилась: «Помоги, господи, Коленьке да всем добрым людям!» – опять устроилась на постели, накрылась одеялом, сложила на груди руки, закрыла глаза и покорно стала ждать смерти.

Вскоре луч красного осеннего солнца коснулся края крыши, медленно опустился вниз, робко погладил оконную раму, осторожно скользнул в дом, неслышно прилёг на подушку. Но баба Лёля ничего этого уже не видела. Боженька успел раньше.